

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/75/1

Семантико-функциональные особенности обращений в орнаментальном художественно-прозаическом монологе

Эльвина Аметовна Алиева

*Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан,
alieva.elvina@rambler.ru*

Аннотация. Впервые проведен комплексный анализ коммуникативно-прагматических особенностей обращений с учетом горизонтального и вертикального срезов произведений писателей-орнаменталистов – А. Белого, К. Федина, Ю. Тынянова, В. Набокова. Осуществлено сопоставление субъективных форм художественного повествования по характеру использования обращений, выявлены особенности индивидуально-авторского использования обращений в различных типах повествования, изменения семантико-функционального потенциала данной языковой единицы.

Ключевые слова: обращение, речевые формы устного диалога, экспрессивные формы синтаксиса, орнаментальная проза, монолог, субъективные типы повествования

Для цитирования: Алиева Э.А. Семантико-функциональные особенности обращений в орнаментальном художественно-прозаическом монологе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 5–26. doi: 10.17223/19986645/75/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/1

Semantic and functional features of words of address in the ornamental literary prose monologue

Elvina A. Aliyeva

*National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan,
alieva.elvina@rambler.ru*

Abstract. The article reveals the structural, semantic and functional features of one of the regular speech forms of oral dialogue – words of address in the ornamental literary prose monologue. A review of the available works showed that the analysis of words of address is limited to determining their subject types and identifying their language functions in dialogical speech or in lyric poetry. Terms of addresses in the

literary prose monologue, in particular ornamental, have not been analyzed, which justifies the relevance of this study. The communicative features and the originality of the syntactic structure of the language of ornamentalists' works have remained practically unexplored; the semantic and functional potential of words of address used in the language of ornamental texts has not been comprehensively analyzed. This also determines and justifies the relevance of this topic. The aim of the study is to establish the semantic and functional status of words of address in the Russian monological ornamental artistic-prose speech of the first third of the twentieth century. The material of the study is the evidence obtained by continuous sampling from works of writers of the first third of the 20th century – the brightest representatives of ornamentalism – A. Bely's *Petersburg*, K. Fedin's *Cities and Years*, Yu. Tynyanov's *Death of Vazir-Mukhtar*, V. Nabokov's *Gift*. The objectives of the study are: 1) to identify subject types of address words in the ornamental literary prose monologue; 2) to describe the semantic and functional features of address words in the literary prose monologue in horizontal and vertical sections of the literary whole; 3) to determine the specifics of the individual author's use of address words in literary speech and to identify the general features of these words' functioning in the language of ornamental prose. The work used descriptive-analytical, distributive, syntagmatic research methods. The choice of these methods was determined by the object and focus of the study. The object of the research is address words in the linguistic structure of ornamental prose. The focus is the semantic and functional features of these words in the ornamental literary prose monologue. The scientific novelty of the study lies in the fact that the material of Russian fiction of the first third of the twentieth century, which has not yet been examined, is comprehensively analyzed to determine the communicative-pragmatic characteristics of address words, taking into account the horizontal and vertical sections of each investigated literary text. In addition, subjective forms of fiction have been compared according to the nature of the use of the language units in question. Peculiarities of individual authorial use of address words in various types of narration, changes and enrichment of the semantic and functional potential of the words are revealed, linguopoetic features of increments in the meaning and functions of address words focused on updating the means of language expressiveness are described.

Keywords: word of address, speech forms of oral dialogue, expressive forms of syntax, ornamental prose, monologue, subjective types of narration

For citation: Aliyeva, E.A. (2022) Semantic and functional features of words of address in the ornamental literary prose monologue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 5–26. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/1

В лингвистической науке большое количество работ посвящено изучению обращения. В основном обращение интерпретируется как синтаксическая категория и изучается на материале письменных и устных форм диалогической речи [1–5]. Многосторонний анализ сущности и функционирования обращения в русском языке впервые был представлен в трудах А.А. Шахматова [6] и А.М. Пешковского [7]. Однако интерес к данной речевой форме устного диалога со стороны лингвистов не угас. Лингвистами описаны способы выражения и распространения обращений в устной и письменной диалогической речи, место в высказывании, характер их интонирования в зависимости от лексического выражения и степени распространенности [8–17].

Т.Г. Лупашку отмечает три подхода изучения данной языковой единицы:

1) системно-структурный: с одной стороны, обращение причисляется к обособленным членам предложения, с другой – определяется как самостоятельное односоставное предложение;

2) функциональный и функционально-стилистический;

3) коммуникативно-прагматический, учитывающий фактор адресата и участие лексических парадигм в коммуникативной стратегии текста [18, 19].

Незначительное количество работ посвящено изучению обращения в монологической речи. Среди исследований в этой области наибольший интерес представляют статья Л.Ю. Максимова «Обращение в стихотворной речи» [20] и монография И.И. Ковтуновой «Поэтический синтаксис» [21]. В трудах этих ученых содержатся наблюдения, касающиеся способов выражения, распространения и функционирования обращений в русской лирической поэзии XIX–XX в.

Л.Ю. Максимовым впервые поднята проблема об исключительных условиях функционирования этой единицы в поэтическом языке и намечены четыре основные функции обращений в стихотворной речи: собственно-звательная, фиктивно-звательная, условно-звательная, координационно-звательная, – на основе которых ученый выделяет функциональные типы обращений. Классификация обращений, предложенная Л.Ю. Максимовым, до сих пор находит отражение в работах современных лингвистов.

И.И. Ковтунова описала все выявленные ею предметные типы обращений в лирической поэзии и выделила три функциональных типа обращений: обращения-номинации, обращения-характеристики и обращения в форме фразовой номинации.

В последнее время предметом изучения оказываются обращения в лирической поэзии отдельных авторов в работах Т.С. Приходько [22], П.Н. Толстогузова [23], Т.Г. Лупашку [18, 19], Т.В. Коченковой [24]; Али Нажва Фуад [25], В.В. Забурдяевой [26, 27], П.А. Станковкина [28], А.К. Улыковой [29] и др.; или целых периодов литературы в работах И.Н. Наумовой [30], Н.В. Степиховой [31] и др.

Обзор существующих работ показал, что анализ обращения ограничивается определением их предметных типов, выявлением их языковых функций на материале диалогической речи или поэтических текстов. Анализ же обращений на материале художественно-прозаического монолога, в частности орнаментального, не проводился, что обосновывает **актуальность** нашего исследования.

Данная статья посвящена исследованию обращения с точки зрения его структурных, семантических и функциональных свойств в орнаментальном художественно-прозаическом монологе.

В начале XX в. русская проза испытала на себе сильное и разностороннее влияние стихотворной речи, в результате чего возникла так называемая «орнаментальная, поэтическая проза». Именно в орнаментальной прозе, как и в поэзии, отразилось «стремление не просто излагать результат по-

знания и восприятия мира, но образно представлять мысль, чувство как процесс, как поток сознания» [21. С. 12]. Это обусловило активное использование в данной прозе внутреннего диалога. В связи с этим резко возросла употребительность субъектно-экспрессивных форм синтаксиса. Одним из первых писателей, кто реализовал богатый семантико-функциональный потенциал субъектно-экспрессивных форм синтаксиса, был А. Белый. Его последователями в плане использования и развития в художественной речи разнообразных возможностей субъектно-экспрессивных форм синтаксиса были Ю. Тынянов, А. Ремизов, Л. Леонов, К. Федин, В. Набоков, М. Булгаков, М. Цветаева и др.

Творчество перечисленных писателей, их произведения не раз являлись предметом исследования литературоведов, языковые особенности идиостиля также привлекали внимание лингвистов. Однако практически не исследованными остались коммуникативные особенности и своеобразие синтаксического строя языка произведений орнаменталистов, не был подвергнут комплексному анализу семантико-функциональный потенциал обращений, использованных в языке орнаментальных текстов. Этим также определяется и обосновывается **актуальность** данной темы.

Исследование в выбранном направлении уже дало свои результаты при анализе семантико-функционального потенциала таких субъектно-экспрессивных форм синтаксиса, как вопрос и повеление [32, 33], и может быть продолжено путем выявления специфики функционирования других субъектно-экспрессивных форм синтаксиса в различных типах художественно-прозаического повествования.

Цель исследования – установление семантико-функционального статуса обращений в русской монологической орнаментальной художественно-прозаической речи первой трети XX в.

Намеченная цель подразумевает постановку и решение следующих **задач**:

- 1) выявление предметных типов обращений в орнаментальном художественно-прозаическом монологе;
- 2) описание семантико-функциональных особенностей обращений в художественно-прозаическом монологе на горизонтальном и вертикальном срезах художественного целого;
- 3) определение специфики индивидуально-авторского использования обращений в художественной речи, а также выявление общих особенностей функционирования данных средств в языке орнаментальной прозы.

Материалом исследования послужили фактические данные, полученные методом сплошной выборки из произведений писателей первой трети XX в. – ярких представителей орнаментализма – А. Белого «Петербург», К. Федина «Города и годы», Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», В. Набокова «Дар».

В привлеченных для анализа романах, характеризующихся взаимодействием различных повествовательных форм, наблюдается обыгрывание разнообразных видов коммуникативных ситуаций, типов субъектов и адресатов речи, схожих, с отмеченными И.И. Ковтуновой в лирической поэ-

зии [21], и ряд специфических типов коммуникативных контактов, не характерных для лирической поэзии [33]. В связи с этим речевая структура данных произведений характеризуется экспрессивностью и использованием большого количества обращений, отличающихся своеобразием функционального потенциала.

В работе использовались следующие **методы** исследования:

- описательно-аналитический метод с его основными компонентами: наблюдением, обобщением, интерпретацией и типологизацией;
- дистрибутивный метод, в частности аналитическое описание функциональных особенностей обращений в художественных текстах;
- синтагматический анализ и контекстуальный.

Выбор перечисленных методов обусловлен объектом и предметом исследования.

Объектом исследования являются обращения в языковой структуре орнаментальной прозы.

Предмет анализа – семантико-функциональные особенности обращений в орнаментальном художественно-прозаическом монологе.

Научная новизна исследования заключается в том, что на необследованном до сих пор материале русской художественной прозы первой трети XX в. впервые изучен коммуникативно-прагматический аспект обращений на горизонтальном и вертикальном срезах художественного целого. Кроме того, субъективные формы художественного повествования сопоставлены по характеру использования рассматриваемых языковых единиц. Выявлены особенности индивидуально-авторского использования обращений в различных типах повествования, а также описаны лингвопоэтические особенности приращений смысла и функций обращений, ориентированных на актуализацию средств языковой выразительности.

Предметные типы обращений в орнаментальном повествовании.

В орнаментальном художественно-прозаическом монологе произведений А. Белого «Петербург», К. Федина «Города и годы», Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», В. Набокова «Дар» все разнообразие типов обращений, так же как и в лирической поэзии, можно разделить на две основные группы: **обращения к лицам** и **обращения не к лицам**.

Обращения к лицам подразделяются на обращения к *внешнему адресату* (читателю) и обращения к *внутреннему адресату* (героям произведений).

В субъективно-авторском и несобственно-авторском повествовании достаточно часто встречаются апелляции к *внешнему адресату, читателю*. В речевой ткани романа А. Белого часто встречаются обращения к *конкретному, индивидуализированному читателю*, с которым повествователь обращается попросту «запанибрата», например: *О, достойный читатель! Явили наружность носителя бриллиантовых знаков вы...* В этой ситуации явственно проступает личность читателя, чему способствует обращение-характеризация и лексическое наполнение фразы. Аналогичный пример встречается в романе «Дар»: *Дай руку, дорогой читатель, и войдем со мной в*

лес. *Смотри: сначала...* Данное обращение тоже создает эффект присутствия адресата в момент речи. Совместно с глаголом 2-го лица повелительного наклонения, призывающим внешнего адресата к совместному действию, со-творчеству, оно переносит читателя в романый мир, т.е. раскрывает перед ним возможность, которую в силах осуществить «волшебник» – автор.

В названных типах повествования обнаруживаются также обращения к *неопределенно-широкому адресату, читателю: Словом от постоянного присутствия бесстыдника было так тяжело (а какие мы строили планы!), что Чернышевский сам уговаривал жену пуститься в обратный путь, и 27-го августа она это и сделала, пробыв таким образом, после трехмесячного странствия, всего четыре дня – четыре дня, читатель! – у мужа, которого теперь покидала на семнадцать с лишним лет!* («Дар»). В этом отрывке обращение героя-рассказчика, выступающего здесь в качестве автора, к внешнему адресату, читателю, создает иллюзию присутствия последнего в момент речи, приближения субъекта к адресату, акцентирует внимание на смысле важного элемента основного сообщения.

Иногда наблюдаются случаи *осложнения адресата*, например: *Ваши превосходительства, высокогордия, благородия, граждана! Что есть русская Империя наша?..* («Петербург»). Данный фрагмент представляет собой стилизацию официальной ораторской речи, построенной от лица ограниченного петербургского чиновника. Адресат данной речи оказывается неоднозначным: с одной стороны, это широкая, социально разноликая группа лиц – современников повествователя, с другой – это и внешний адресат – читатель, который может быть как современником, так и человеком другого поколения и вовлекается авторской волей в речевой контакт с повествователем, образ мыслей которого он не может разделить, равно как и способ их выражения – одобрить.

В монологической ткани анализируемых произведений используются также обращения к *более широкому адресату*, например к определенной этнической группе: *О, русские люди!* («Петербург»), или к группе людей, характеризующейся возрастной категорией: *Смотрите, дети, как они переливаются и трутся...* («Дар»).

Обращения к более широкому адресату – к определенной социальной группе встречаются и в несобственно-прямой речи героев, например: *Пойми, штукарь, пойми, арабесник...* («Дар»). Подобные обращения встречаются и в романе «Смерть Вазир-Мухтара». Например, в минуты ощущения одиночества герой (Грибоедов) мысленно обращается к прохожим на улице: *Случайные люди на улице, случайные спины прохожих, – благословение вам!* или: *Прощайте, добрые люди, прощайте, умные люди!*

В субъективно-авторском и несобственно-авторском повествованиях выявлены обращения к *внутренним адресатам – к героям произведений*, которыми могут быть как главные герои, так и второстепенные или эпизодические персонажи. Подобные обращения часто встречаются в романе «Города и годы» (к Андрею, Мари), реже в романах «Дар» (к Николаю) и «Смерть Вазир-Мухтара» (к Сашке-слуге). Например: *Сними шляпу,*

Николя... *Волосы с рыжинкой, веснушки на лобике, в глазах ангельская ясность, свойственная близоруким детям* («Дар»). Перед читателем как бы разыгрывается спектакль. Создается эффект присутствия и внешнего адресата, читателя, в момент речи, и героя, с которым автор может в любой момент вступить в диалог. Эффект присутствия и непосредственного вступления в разговор с героем подчеркивается последующим контекстом. Автор дает описание внешности героя, которое не смог бы сделать, не снимая тот шляпу.

В речевой ткани романа «Города и годы» подобные обращения к героям встречаются также и в ситуации, когда автор приближен к герою, передает его мысли, переживания, чувства: *...Только точно в восемь вечера по часам ратуши, Мари! Только точно, Мари!* или: *Этот человек другой породы, других костей, он недоступен и жесток. Опасность, Андрей, опасность!*

В группе **обращений не к лицам** в субъективно-авторском повествовании выделяются следующие разновидности: обращения к Родине: *Благодарю тебя, отчизна, за чистый...*, *Благодарю тебя, Россия, за чистый...* («Дар»), «Ты, **Россия**, как конь, **Русь! Русь!** («Петербург»); обращения к городам: **Петербург! Петербург!** («Петербург»), *Но, город! Прости, если неловкое слово заставило страдать твое самолюбие!*, *...Ты – скромный, безвестный Бишофсберг, прости...* («Города и годы»); обращения к определенным местностям, с которыми связаны исторические события: **Куликово поле, я жду тебя!** («Петербург»). Подобные обращения представляют собой как географическое пространство, которое населяет определенная этническая общность лиц, так и самих этих лиц по отношению к пространственным объектам, выступающим в качестве символа исторического бытия нации.

В субъективно-авторском повествовании романа «Города и годы» встречаются обращения повествователя к неодушевленному предмету – карусели. Но он интересен тем, что в обращении собственно адресат не назван, а перечислены характеризующие его признаки: *Радуйся, позументная, многоцветная, мишурная, разно-огненная, сочетавшая конный бег с плавным качанием лодок, навсегда покоренная голосами шарманки, в вечном кружении – радуйся!* Здесь цепь однородных обособленных членов, первые четыре из которых представлены согласованными определениями, пятый и шестой выражены причастным оборотом, седьмой – несогласованным определением, выражает необычную функцию наименования адресата с «оценочным или аддитивным значением» [12]. Подобные обращения в лирике И.И. Ковтунова определяла как обращения в форме фразовой номинации [21. С. 116]. Однако в поэзии такие обращения состоят из местоимения 2-го лица в единственном или множественном числе и следующим за ним придаточным определительным предложением. Однако в приведенном примере положение местоимения занимает глагол в повелительном наклонении 2-го лица единственного числа, повтор которого замыкает данное обращение.

В речевой ткани названных романов встречаются обращения к олицетворенным временным отрезкам или к этапам жизни человека, которым с

помощью глагольной метафоры приписывается способность к действиям, характерным для живых существ. Например: *О, благословенные времена, когда..., О, не смотри на меня, мое детство, этими большими, испуганными глазами* («Дар»), *О, кружитесь, о вейтесь, последние дни* («Петербург»).

В речевой ткани романа «Петербург» встречаются обращения к мировым сущностям, природным объектам, стихийным силам: *Встань, о, Солнце!, О, зеленые, кишацие бациллами воды! Еще миг, обернули б вы и меня в свою тень* («Петербург»).

В романе «Дар» используются обращения к проявлениям внутреннего мира человека, к Музе: *Что еще? Что еще? Подскажи мне, мое воображение, Русская проза, какие..., Муза Российская прозы, простишь навсегда..., а также к продуктам своего творчества: Прощай же, книга!*

При условии контакта субъекта речи с адресатами – не лицами последние приобретают статус «коммуникативной метафоры» [35. С. 401; 21. С. 90]. Подобная речевая связь служит знаком приближения повествователя к описываемому явлению, поэтического познания. Коммуникативный контакт с нелицом выступает одновременно и в качестве специфической для орнаментальной прозы, ориентированной на язык лирической поэзии, «формы автокоммуникации повествующего субъекта и воплощает не только его поэтическое познание, но и самопознание, самораскрытие, самовыражение» [36. С. 75].

В несобственно-авторском повествовании и несобственно-прямой речи героев встречается также большое количество обращений не к лицам. Апелляция не к лицам определяется индивидуально-психологическими особенностями героев, кругом их профессиональных интересов. Так, например, в романе «Петербург» в несобственно-прямой речи сенатора А.А. Аблеухова встречаются обращения к символам, математическим обозначениям: *Вы, линии!*, в романе «Смерть Вазир-Мухтара» в несобственно-прямой речи Грибоедова находим обращения к абстрактным понятиям: *И тогда прощай, влияние английское, долго и упорно, как растение, привезенное из-за моря, насаждавшееся им*, к внутреннему состоянию: *О, дремота, перед отсроченным отъездом, когда завязли ноги во вчерашнем дне.*

Таковы предметные типы обращений, выявленные в художественной речи писателей-орнаменталистов.

Семантико-функциональный статус обращения. Являясь «слабым признаком диалога», обращение, как известно, не требует определенной реакции со стороны адресата. «Сообщения, адресованные второму лицу, предполагают внимание и понимание со стороны собеседника, но они не рассчитаны непосредственно на ответное действие» [21. С. 62]. В Грамматике-80 основная функция обращения определяется как «называние того, к кому адресована речь» [14. С. 164]. И.И. Ковтунова, анализируя семантический потенциал обращения в поэтической речи, отмечает: «...в поэтической речи картина осложняется тем, что в ней присутствуют две шкалы с

двумя семантическими полюсами. На одной расположены значения адресации и номинации, на другой значения адресации и характеристики. Значение адресации идет от семантической позиции обращения, оно связано с синтаксической формой. Значение характеристики определяется лексическим наполнением обращения – наличием в его составе слов с признаковой семантикой» [21. С. 106]. Изменение семантико-функционального статуса обращения происходит под влиянием определенных коммуникативных условий и специфического для орнаментальной прозы, ориентированной на поэтическую речь, контекста и имеет также свои коммуникативные нюансы и семантические особенности.

В ситуации, где речь повествователя обращена к внешнему адресату, читателю, представлено обращение, выраженное простым субстантивным словосочетанием, сопровождающееся частицей «о»: **О, достойный читатель, явили наружность бриллиантовых знаков без юмора мы: как она предстала бы всякому наблюдателю...** («Петербург»). Оно представляет собой обращение-характеризацию (по Ковтуновой), так как включает в себе квалификативные признаки адресата (обращение-отношение, по Формановской) и сигнализирует об отношении адресанта к адресату, сообщая последующему высказыванию дополнительную вежливость, в которой чувствуется авторская ирония. В то же время посредством обращения к читателю создается эффект присутствия, приближения адресанта к адресату.

Аналогичный пример: **Дай руку, дорогой читатель, и выйдем со мной в лес. Смотри: сначала – сквозистые листья, с островками чертополоха, крапивы или царского чая** («Дар»). Данное обращение тоже создает эффект присутствия адресата в момент речи. Вместе с глаголом 2-го лица повелительного наклонения, призывающим внешнего адресата к совместному действию, к сотворчеству, обращение переносит читателя в романский мир, т.е. раскрывает перед ним возможности, доступные «волшебнику» автору.

В отрывке: **Словом, от постоянного присутствия бесстыдника было так тяжело (а какие мы строим планы!), что Чернышевский сам уговаривал жену пуститься в обратный путь, и 27-го августа она это и сделала, пробыв таким образом, после трехмесячного странствия, всего четыре дня – четыре дня, читатель!** – у мужа, которого теперь покидала на семнадцать с лишним лет – обращение героя-рассказчика, выступающего здесь в качестве автора, к внешнему адресату, читателю, помимо иллюзии присутствия последнего в момент речи и приближения субъекта к адресату, акцентирует внимание на смысле важного элемента основного сообщения. Будучи заключенным во вставку, оно передает эмоционально-оценочное отношение повествователя к основному сообщению, способствует смене ракурсов, субъективизации повествования.

Совмещение нескольких функций проявляется и в обращении повествователя к широкому адресату, определенной этнической группе, например: **От себя же мы скажем: о, русские люди, о, русские люди! Вы толпы теней с островов не пускайте! Через литейские воды уже перекинуты**

черные и сырые мосты. Разобрать бы их... («Петербург»). Отсутствие выражения характеристики в окружающем обращении контексте, а также преобладание высказываний, вводящих позицию говорящего (речь от 1-го лица: *от себя же мы скажем*, повеление и местоимение в форме 2-го лица), обнаружение в тексте его эмоционального отношения к предмету речи (повтор обращения, сопровождающегося частицей «о» и восклицательной интонацией) – усиливают в обращении функцию адресации.

В следующем примере, содержащем обращение к тому же адресату, наблюдаются заметные изменения: **О, русские люди!** *Становитесь вы теньями клуболетящих туманов: туманы летят искони из свинцовых пространств закипевшего Балта; в туманы установились пушки.* («Петербург»). В данном отрывке имеет место совмещение двух функций: адресации и номинации. Адресованность проявляется присутствием в последующем контексте глаголов и местоимений 2-го лица множественного числа, а также выражением эмоционального отношения субъекта речи к адресату. Функция номинации обусловлена последующей характеристикой предмета речи. Оформление же обращения в отдельное высказывание, т.е. освобождение его от зависимости по отношению к последующему тексту, актуализирует в нем аппеллятивную функцию. Итак, обращение из первого отрывка совмещает в себе, помимо первичной функции – аппеллятивной, эмотивную функцию, так как выражает отношение говорящего, его интеллектуально-эмоционально-волевое воздействие; во втором отрывке взаимодействуют функции адресации и номинации, которым сопутствует эмотивная функция. Повтор обращения: *О, русские люди!*, разделенный большим повествовательным пространством, помогает автору передать важнейшие проблемы описываемого времени, лежащие в основе произведения, и реализовать лейтмотив темы революции 1905 г. Этот лейтмотив темы разбушевавшейся народной стихии прослеживается на протяжении всего романа как в речи персонажей, так и в речи повествователя, становясь в последнем случае формой символического воплощения грядущих социальных катаклизмов. Он подчеркивается в обращениях к России: *Ты, **Россия**, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко внедрились в гранитную почву – два задних; Или встав на дыбы, ты на долгие годы, **Россия**, задумалась перед грозной судьбою...*; к географическим пространствам, выступающим в качестве символа исторического бытия нации, к природным явлениям, символизирующим вневременное бытие: **Куликово поле**, *я жду тебя! Воссияет в тот день и последнее Солнце над моею родною землей. Если, **Солнце**, ты не взойдешь, то, о, **Солнце**, под монгольской тяжелой пятой опустятся европейские берега, и под этими берегами закурчавится пена... Встань, о, **Солнце!*** Последний отрывок интересен еще и использованием специфичных для орнаментальной прозы А. Белого способов включения в текст обращений. Здесь наблюдается дистантный повтор обращения *Солнц*» и *о, Солнце* в составе смежных предикативных частей одного сложного предложения. Повествователь – поэтически настроенный субъект. Обращение *о, Солнце*, передающее его чувство при-

частности к тому, о чем идет речь, сопровождается переходом от 3-го лица ко 2-му. Такой переход, когда в предшествующем контексте предмет речи выступает в 3-м лице, а затем занимает позицию 2-го лица, становится адресатом речи, создает его мгновенный перенос в другое пространство: из пространства внешнего мира предмет речи переходит в пространство внутреннего мира повествующего субъекта. Далее это же обращение повторяется в последнем предложении этого отрывка *Встань, о, Солнце!*, в котором присутствует «сильная» форма диалога: повеление, создающее эффект непосредственной апелляции к объекту, выражает побуждение в сочетании с эмоционально-окрашенным пожеланием. Оформление же и первой фразы и последней восклицательной интонацией привносит в текст особую поэтичность.

Похожее использование обращений наблюдаем и в речевой структуре романа Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Так, в минуты ощущения одиночества герой мысленно обращается к прохожим на улице: *Он вышел из полосы света. Двое шли перед ним и тихо разговаривали. Он не обогнал их. Медленно шел он за ними, благословляя человеческие спины, мягкого и сырого в полумраке цвета. **Случайные люди на улице, случайные спины прохожих**, – благословение вам!* В данных обращениях наблюдается совмещение двух функций: адресации и номинации. Адресация подчеркивается и присутствием в предложении местоимения 2-го лица множественного числа, а также выражением эмоционального отношения субъекта речи к адресату. Функция номинации обусловлена наличием характеристики предмета речи. Весь фрагмент представляет собой объективно-авторское повествование, а обращение и последующее пожелание представляет собой внутреннюю речь героя, Грибоедова. В следующем отрывке: *Тогда Грибоедов подошел к фортепьяно. Он нажал педали и оттолкнулся от берега. Вином и музыкой он сразу же отгородился от всех добрых людей. Прощайте, **добрые люди**, прощайте, умные люди* – в обращении совмещаются функция адресации (в связи с субъективизацией, переносом предмета речи из внешнего мира в пространство внутреннего мира субъекта речи) и функции номинации предмета речи, которая актуализируется наличием характеристики в контексте. Данные обращения раскрывают отношение главного героя, Грибоедова, к окружающим: в обращении используются эпитеты «добрые», «умные», но из предшествующего контекста мы узнаем, что Грибоедов стремится отгородиться от окружающих его людей, остаться в одиночестве. В связи с этим становится ясным, что обращение проникнуто иронией героя. Названное обращение также способствует развитию темы одиночества героя, поскольку представляет собой одно из звеньев этого лейтмотива.

В тексте рассматриваемых произведений встречаются и обращения героя к конкретному адресату. Так, например, в романе «Смерть Вазир-Мухтара» герой, Грибоедов, услышав объяснения слуги Сашки, восклицает про себя: *Я так полагаю, – сказал Сашка, не отрываясь от книжки и сдержанным голосом, – что здесь более говорится об английских машинах... Браво, **Сашка!*** В данном обращении преобладает функция адреса-

ции, так как вся конструкция выражает эмоционально-оценочную интенцию субъекта речи: добрую иронию Грибоедова. Прерывая прямую речь второстепенного героя, слуги Сашки, и воплощая внутреннюю речь главного героя, Грибоедова, это обращение также реализует субъектное расчленение повествования.

Приближение повествующего субъекта к герою может осуществляться с целью его дискредитации, уничтожения: *Ниссельрод жил в Петергофе. Вице-канцлер Великий визирь!* («Смерть Вазир-Мухтара»). В приведенном примере, как и в предшествующем, цепочка обращений является переходной структурой между обращениями и именной частью составного именного сказуемого в двусоставном неполном предложении. Здесь аппеллятивная функция существительного взаимодействует с предикативно-характеризующей. Однозначная квалификация (как обращения или двусоставного предложения с именной частью сказуемого) оказывается затруднительной. В этих случаях имеет место нейтрализация противопоставления аппеллятивной и квалификационно-характеризующих функций именительного падежа существительного. Следовательно, появление обращения служит знаком субъектного расчленения повествования. Данное обращение раскрывает внутреннее состояние героя в момент речи, а также способствует развитию темы одиночества героя.

В следующем отрывке: *Все это вздор, – отмахнулся Андрей и сдвинул брови. Поздно, Андрей! Не надо было слушать этого вздора, не допускать ни одного слова, не терять ни одной секунды. Тогда двое солдат не видели бы, как товарищ Старцов, которого знает весь Семидол, поутру, на пути в лагерь, стоял с каким-то пленным в изжеванной шинели...* («Города и годы»), поскольку воображаемая диалогическая ситуация (речь повествователя адресована герою) далека от реальной в обращении, возрастает степень условности. В связи с этим данный тип обращений приобретает функцию наименования предмета речи. Но характерная для обращения аппеллятивная функция не исчезает здесь полностью. Вступление в диалог с героем создает эффект присутствия и приближение говорящего к адресату. В то же время посредством обращения к герою автор обнаруживает свое волнение за него, указывает на бесполезность его действий. А оформление безличного предложения с обращением как восклицательного передает укор повествователя, что подтверждается в дальнейшем контексте, где указываются неправильные, по мнению автора, действия героя и их последствия. Монолог повествователя, адресованный герою, выполняет проспективную функцию, предупреждая о последствиях необдуманных действий героя. В данном отрывке обращение выполняет функцию наименования предмета речи, которая взаимодействует с аппеллятивной, эмотивной и проспективной функциями.

В ситуации, когда автор приближен к герою, передает его мысли, переживания, чувства, обращение также не теряет первичную функцию аппелляции. Например: *Тогда Мари скользит по мутно-серым фасадам старых домов, слепыми улицами, бегущими от ратуши черной пятерней к беззвуч-*

ным променадам... в нее. Потом по лестнице – шестьдесят семь ступенек, если через одну – тридцать четыре шага. Если придешь точно – в восемь вечера по часам ратуши, – приоткрытый вход на четвертой площадке. В него. Через переднюю, прямо. Там. Только точно в восемь вечера по часам ратуши, **Мари!** Только точно, **Мари!** («Города и годы»). Присутствие в контексте глагола 2-го лица усиливает адресацию речи. На значение адресации, свойственное всему высказыванию «Только точно...», накладывается модальное значение, которое несет в себе контекст, содержащий диалогические формы: глагол во 2-м лице единственного числа, дейктические местоимения, неполные и эллиптические структуры, побудительные предложения. Они свидетельствуют о глубинной внутренней связи между адресантом и адресатом, создают иллюзию присутствия субъекта речи, одновременности его восприятия действительности и речи.

Аналогичный пример находим и в речевой структуре романа «Дар». Так, начиная свой роман о Чернышевском со знакомства читателя с героем, он обращается к последнему так: *Сними шляпу, **Николя!** Волосы с рыжинкой, веснушки на лобике, в глазах ангельская ясность, свойственная близоруким детям.* Перед читателем как бы разыгрывается спектакль. Создается эффект присутствия и внешнего адресата, читателя, в момент речи и героя, с которым автор может в любой момент вступить в диалог. Эффект присутствия и непосредственного вступления в разговор с героем подчеркивается последующим контекстом. Автор дает описание внешности героя, которое не смог бы сделать, не сними тот шляпу.

В речевой структуре анализируемых романов большое количество обращений не к лицам. Например: *Посредине двора были сложены отсыревшие сажени осиновых дров; и сквозь ворота был виден кусок семнадцатой линии, обсвистанной ветром. **Вы – линии!** В вас осталась память петровского Петербурга!* («Петербург») В данном примере наблюдается переход речи в 3-м лице в речь во 2-м лице (с объективно-авторского повествования в несобственно-прямую речь сенатора А.А. Аблеухова). Вступление в диалог с нелицом (в данном случае это математическое обозначение) говорит о внутренней причастности субъекта к тому, о чем идет речь. В приведенном обращении совмещаются функции адресации (последняя обладает наибольшей степенью условности в связи с субъективизацией внешних объективных впечатлений) и функции номинации предмета речи, которая актуализируется характеристикой в последующем контексте. Это же обращение повторяется в тексте романа через два абзаца в субъективно-авторском повествовании: *О, **линии!** Как они изменились: как и их изменили суровые дни!* Однако данная структура выступает уже в позиции именительного темы, выполняя функцию привлечения внимания к предмету последующей речи. Подчеркивая тему сообщения, обособленный сегмент подготавливает слушателя к восприятию наиболее важного элемента высказывания – ремы. Подобные сегментированные конструкции сообщают микротексту стилистическую окраску приподнятости. Следовательно, здесь наблюдается формальный переход обращения в сегментиро-

ванную конструкцию. Это обуславливает вытеснение в данной структуре функции адресации номинацией, то есть непосредственным названием темы последующего высказывания, сопровождающейся фатической и эмоциональной функциями.

Интересны случаи использования обращений, выраженных существительными, которые называют абстрактные понятия. Например: *И тогда прощай, влияние английское, долго и упорно, как растение, привезенное из-за моря, насаждавшееся им, либо русские сократят контрибуцию. А по всему видно, что именно так и будет. Но тогда – трижды – прощай, влияние английское* («Смерть Вазир-Мухтара»). В приведенном фрагменте несобственно-прямой речи героя (полковника Макдональда) обращение, выраженное нарицательным существительным, называющим абстрактное понятие и распространенное в первом случае согласованными одиночными определениями и причастным оборотом, во втором – согласованным определением, совмещает аппеллятивную функцию с характеристикой явления. Отсутствие реального собеседника и письменная форма речи исключают возможность понимания данного высказывания как форму побуждения. И обращения и повеление служат для живописания размышлений героя, для выражения его модально-эмоциональных оценок (сожаления, что придется отступить в дипломатической игре).

Обращения к абстрактным понятиям и обобщенным категориям могут совмещать в себе функции адресации и номинации. Это обычно такие типы обращений, в которых адресованность обладает наибольшей степенью условности. Например: *О, дремота перед отсроченным отъездом, когда спишь на чужой кровати, и в комнате как бы нет уже стен. И вещи сложены, а ноги завязли и руки связаны дремотой* («Смерть Вазир-Мухтара») При первичном употреблении обращение сближается с номинативным предложением. Значение адресованности оказывается здесь ослабленным. На первый план выступают функция утверждения бытия названного предмета речи и его характеристика. Признаки предмета речи – «дремота» – выражаются примыкающими к данной конструкции придаточными определительными предложениями. При вторичном употреблении данного обращения значение адресации обнаруживается сильнее благодаря наличию в контексте альтернативного ряда вопросов, оформленных как вставные конструкции и актуализирующих позицию повествующего субъекта, выражающих особенности его мировосприятия и эмоциональных оценок: *О, дремота, упавшая на тело российское! Копытится в дремоте безымянный Паскевич, увянул на заднем дворе – тегеранском? московском? – Чадаев, и нет никакого в воздухе, сером, как глаза Несельрода.* Вместе с тем конструкция *О, дремота, упавшая на тело российское!* имеет отчетливо выраженное значение номинации высказывания и может расцениваться как сегмент (именительный темы), соотносящийся с коррелятом «дремота» базовой части. Таким образом, при вторичном употреблении обращение функционально сближается с именительным темы.

Аналогичные случаи встречаются и в речевой структуре романа «Дар», например: *О, не смотри на меня, мое детство, этими большими, испуганными глазами.* Данное обращение воспринимается как апелляция к своему второму «я», т.е. с его помощью осуществляется диалогизация внутреннего монолога.

Интересны обращения автора к Музе, что часто встречается в лирике. Но если в лирике Муза выражает «alter ego» поэта, выступает «как принадлежность внутреннего мира, как творческое «я» поэта» [21. С. 70], то у В. Набокова значение Музы расширяется – она воплощает в себе все творчество вообще и выступает как внешняя сверхсила. Например: *В полдень послышался клюнувший ключ, и характерно трахнул замок: это с рынка домой Марианна пришла Николаевна; шаг ее тяжкий под томный шумок макинтоша отнес мимо двери на кухню пудовую сетку с продуктами. Муза Российския прозы, проснись навсегда с капустным гексаметром автора «Москвы»* – в предшествующем контексте В. Набоков пародирует стиль А. Белого. Обращение к Музе и содержание последующего побудительного предложения не оставляет сомнений в том, что предшествующий текст – стилизация. Обращение и повеление акцентируют внимание читателя на этом, следовательно, они выполняют метатекстовую функцию. Вместе с тем столь «пышное», приподнятое с устарелым книжным окончанием прилагательное «Российския» в обращении, контрастирующее с нейтральной тональностью текста, свидетельствует об иронической авторской оценке ритмизированной прозы Белого.

В то же время все обращения не к лицам, к заведомо некоммуникабельным объектам, выступают в роли «коммуникативной метафоры» [21. С. 90]. Подобные обращения используются в речевой ткани романов для воплощения акта коммуникации между разными внутренними сторонами речевого субъекта. Тексты, заключающие обращения не к лицам, могут не нести никакой информации, а воплощать духовные поиски или передавать душевное состояние субъекта речи. В обращении не к лицам значение адресации ослабевает, оно свидетельствует о близости, о глубоком внутреннем контакте субъекта речи с адресатом. Такие обращения, сопровождающиеся речью во 2-м лице, вклиниваются в объективно-авторское повествование, несобственно-прямую речь героев или прерывают диалог героев без какой-либо подготовки, т.е. внешне они не связаны с предшествующим контекстом, например: *Но город! Прости! Если неловкое слово заставило страдать твое самолюбие. Прости! Ты достоин воспеваний как всякий город, построенный человеческой рукой и возлюбленной человеческим сердцем. Ты прочен. В тебе живут люди. Ты верен ему... Ты – скромный, безвестный Бишофсберг. Прости...* («Города и годы»). Обращение *Но город!* выполняет функцию наименования предмета речи. Названная функция обусловлена тем, что последующие предложения выполняют по отношению вынесенному в начало сложно-синтаксического целого номинативную функцию характеристики. Но так как последующий контекст содержит глагол в форме повелительного наклонения «прости» – сильный

признак диалога, в обращении не утрачивается, а действует параллельно с функцией номинации адресация, хотя и является условной. Следовательно, сосуществуют две функции – наименования предмета речи и адресация. Последующий контекст, содержащий формы повеления и личные местоимения 2-го лица единственного числа, усиливает адресацию речи и снимает дистанцию между автором и адресатом. Обращенная к городу речь представляет собой авторское отступление и является композиционно-структурной формой когезии.

В отрывке: *Николай Аполлонович – шутки в сторону... Вы теперь – меня поняли?... **Петербург, Петербург!** Осаждаясь туманом, меня ты преследовал: мозговую игру. Мучитель жестокосердный! И – непокойный призрак: когда на меня напал, бегал я на ужасных проспектах* («Петербург») – обращение указывает на процесс субъективизации внешних объективных впечатлений во внутренней речи повествователя. И здесь значение адресации, которое усиливается присутствием местоимения 2-го лица и речью от 1-го лица, оказывается ослабленным. Обращение приобретает условность и становится выражением эмоционального состояния субъекта. В то же время этому обращению не чужда функция номинации предмета речи, так как здесь адресованность обладает наибольшей степенью условности. В этом случае адресация отступает на задний план, а основной оказывается функция наименования предмета речи, так как последующие пространственные номинативы заключают в себе характеризующие признаки предмета речи. В данном случае контекст содержит противопоставленные признаки, одни из которых актуализируют в обращении адресованность, другие – наименование предмета речи, тем самым обуславливая двойственную функцию обращения.

В языковой структуре романа «Города и годы» представлен пример обращения повествователя к неодушевленному предмету, но он интересен тем, что в обращении собственно адресат не назван, а перечислены характеризующие его признаки: *Радуйся, позументная, многоцветная, мишурная, разно огненная, сочетавшая конный бег с плавным качанием лодок, навсегда покоренная голосами шарманки, в вечном кружении – радуйся!* («Города и годы») Здесь цепь характеристик выполняет необычную функцию наименования адресата с «оценочным или аддитивным» значением. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «при конкретном имени, выполняющим роль классифицирующего предиката, определение выражает оценочное или аддитивное значение. В последнем случае оно присоединяет дополнительные признаки к понятийному содержанию имени» [10. С. 345]. Так, в форме обращения могут выступать характеризующие признаки, выполняющие функцию наименования адресата с оценочным значением.

Проведенный анализ предметных типов обращения, включения в текст и семантико-функционального потенциала обращений в орнаментальном художественно-прозаическом монологе романов «Петербург» А. Белого, «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова, «Дар» В. Набокова, «Города и годы» К. Федина позволяет сделать следующие выводы.

1. В речевой структуре привлеченных произведений используется большое разнообразие предметных типов обращений, среди которых выделяются обращения к не лицам. Сопоставление привлеченных для анализа произведений показало, что по набору предметных типов обращений наиболее яркими из них являются романы А. Белого «Петербург» и В. Набокова «Дар».

2. Анализ соотношения обращений с включающим их контекстом показал, что обращение и сопровождающая его речь во 2-м лице может вклиниваться в объективно-авторское, несобственно-авторское повествование, прерывать прямую речь героев, представляя собой лирическую вставку, внешне (формально) не связанную с предшествующим контекстом. Это приводит к переходу от 3-го лица ко 2-му, переносу предмета речи из внешнего во внутреннее лирическое пространство субъекта речи. При этом обращения с речью во 2-м лице представляют собой в прозаическом тексте лирические отступления.

3. Будучи использованными в необычных условиях, обращения усложняют первоначально присущие им функции и вместо «указателя адресата речи» становятся средством номинации и предикации, способны выполнять функцию *характеризации* и совмещать в себе функции *номинации* и *адресации*.

Обращения к неодушевленному предмету, использование повелительного наклонения и 2-го лица свидетельствует о стремлении субъекта речи вступить в тесный контакт с адресатом, ярче выразить *эмоционально-волевое отношение* к нему, создают ситуацию непосредственного общения.

Обращения в зависимости от того, в какой коммуникативной ситуации выступают, приобретают разнообразные значения и функции, не характерные для них в устном диалоге.

Часто они оказываются функционально многозначными, поскольку могут выполнять одновременно с первичной функцию наименования предмета речи или адресата, или функцию характеристики. В сочетании со 2-м лицом местоимений и глаголов обращения могут осложняться эмотивной, фатической, апеллятивно-вокативной, метатекстовой функциями.

Приобретая новые для них функции, обращения не утрачивают первичного назначения (апелляции к адресату), что приводит к частичной «асимметрии между формой и функцией – к асимметрии на фоне симметрии» [21. С. 167].

Кроме общеязыковых функций, обнаруживающихся в синтагматике речевой цепи, обращения выполняют и *художественные функции*:

- обращения не к лицам являются «коммуникативной метафорой»;
- порождают иллюзию присутствия, внутренней близости субъекта и адресата;
- способствуют субъективизации повествования;
- служат знаком субъектного расслоения повествования, смены типов повествования;
- могут служить композиционно-структурной формой когезии;

- акцентируют внимание читателя на содержании сообщения, повествования, форме подачи мысли;
- повтор обращений способствует созданию лейтмотивов, распространяющихся в тексте целого произведения;
- выполняют характерологическую функцию: заключают информацию об адресате;
- выполняют изобразительно-выразительную функцию, а именно опосредованно раскрывают состояние субъекта речи;
- передают модально-эмоциональное отношение адресанта;
- воплощают внутренний диалог героя со своим вторым «я»;
- приносят в текст особую поэтичность.

Таким образом, под влиянием необычного контекста, типов повествования и условий коммуникативных ситуаций в орнаментальном художественно-прозаическом монологе обращение полностью раскрывает весь свой богатый семантико-функциональный потенциал.

Источники примеров

- Белый А.* Петербург : роман. М. : Худож. лит., 1978. 389 с.
Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 3. 479 с.
Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара : роман. М. : Худож. лит., 1988. 447 с.
Федин К. Города и годы. М. : Правда, 1991. 461 с.

Список источников

1. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. М. ; Л., 1952. 997 с.
2. *Востоков А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб., 1859. 417 с.
3. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка : в 2 ч. М., 1875.
4. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Синтаксис русского языка. СПб., 1912. 358 с.
5. *Кручинина И.Н.* Обращение // Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 2002. С. 340–341.
6. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М., 1941. 620 с.
7. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Вып. 7. М., 1956. 512 с.
8. *Руднев А.Г.* Синтаксис осложненного предложения. М., 1959. 254 с.
9. *Проничев В.П.* Синтаксис обращения. Л., 1971. 88 с.
10. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976. 383 с.
11. *Арутюнова Н.Д.* Номинация и текст (Номинация-обращение) // Языковая номинация. Виды номинаций. М., 1977. С. 304–357.
12. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 6–17.
13. *Бабайцева В.В.* Русский язык: Синтаксис и пунктуация. М., 1979. 17 с.
14. *Русская грамматика* : в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
15. *Дохова З.Р.* Функционирование обращения в тексте // Вестник Дагестанского государственного университета. 2007. № 26. С. 37–45.
16. *Федулова У.М.* Стилистические функции обращений // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 1. С. 239–242.

17. Юй Исин. Формы обращения и вокативные функции имен нарицательных (на материале текстов художественной литературы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 217–222.
18. Лупаику Т.Г. Обращение и его текстообразующие функции в поэзии и прозе А.С. Пушкина в коммуникативном аспекте // XI Пушкинские чтения: Русистика. Методика. Лингводидактика. Т. 2. СПб., 2006. С. 93–98.
19. Лупаику Т.Г. Обращение и его текстообразующие функции в прозе и поэзии А.С. Пушкина. СПб., 2007. 198 с.
20. Максимов Л.Ю. Обращение в стихотворной речи // Современный русский язык. М., 1965. С. 66–88. (Ученые записки МГПИ. Т. 236).
21. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986. 208 с.
22. Приходько Т.С. «От странной лирики, где каждый шаг секрет»: Роль обращений в композиции стихотворений А. Ахматовой // Русская речь. 1997. № 4. С. 18–23.
23. Толстогозлов П.Н. Поэтика обращений в лирике Тютчева // Л.Н. Толстой и Ф.И. Тютчев в русском литературном процессе. М., 2004. С. 105–120.
24. Коченкова Т.В. Обращение в поэтическом тексте (на материале произведений А.А. Ахматовой и И.Ф. Анненского) // Филологические этюды. Вып. 8, ч. 3. Саратов, 2005. С. 188–122.
25. Али Нажва Фуад. Личные обращения в поэзии Булата Окуджавы // Вестник Воронежского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 36–39.
26. Забурдыева В.И. Коммуникативная структура стихотворений М. Цветаевой с обращениями к разным адресатам // VI Виноградовские чтения в Республике Узбекистан. Ташкент, 2010. С. 35–39.
27. Забурдыева В.И. Обращение-фразовые номинации в лирике М. Цветаевой // Русское слово сегодня: теория и практика филологического исследования. Ташкент, 2012. С. 49–54.
28. Становкин П.А. Обращение как регулятивная структура интертекстуального типа в лирике О.Э. Мандельштама // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 1 (116). С. 249–254.
29. Улькова А.К. Функции обращений в поэзии С. Есенина // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). URL: <http://moluch.ru/111/28017>
30. Наумова И.М. Статус обращения в поэтической речи XIX в. (на материале текстов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.А. Фета, Ф.И. Тютчева, Е.А. Баратынского). М., 2000. 465 с.
31. Степихова Н.В. Функциональные и контекстуальные особенности обращений в лирическом тексте: на материале русской поэзии первой трети XX века. СПб., 2009. 170 с.
32. Алиева Э.А. Семантико-функциональные особенности форм повелений в орнаментальной прозе // Вестник Национального университета Узбекистана. 2011. № 4/1. С. 82–88.
33. Алиева Э.А. Семантико-функциональные особенности вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале языка русской прозы первой трети XX века). Ташкент, 2016. 128 с.
34. Архипова М.В. К вопросу о взаимосвязи синтаксиса и стилистики английского языка // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 11. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/11/73069>
35. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. 648 с.
36. Забурдыева В.И. Речевые формы устного диалога в повести А. Ремизова «В плену» // Вопросы грамматической асимметрии : сб. науч. тр. Ташкент, 1989. С. 69–75.

Sources

- Belyy, A. (1978) *Peterburg. Roman* [Petersburg. A novel]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Nabokov, V.V. (1990) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Pravda.
- Tynyanov, Yu.N. (1988) *Smert' Vazir-Mukhtara. Roman* [Death of Vazir-Mukhtar. A novel]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Fedin, K.A. (1991) *Goroda i gody* [Cities and years]. Moscow: Pravda.

References

1. Lomonosov, M.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Vostokov, A.Kh. (1859) *Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe Sokrashchennoy grammatiki, polnee izlozhennaya* [The Russian grammar of Alexander Vostokov, according to the outline of his own Abridged Grammar, is more fully presented]. Saint Petersburg: Imperial Russian Academy.
3. Buslaev, F.I. (1875) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
4. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1912) *Sintaksis russkogo yazyka* [The Syntax of the Russian Language]. Saint Petersburg: Izd. I.L. Ovsyaniko-Kulikovskoy.
5. Kruchinina, I.N. (2002) Obrashchenie [Addressing]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 340–341.
6. Shakhmatov, A.A. (1941) *Sintaksis russkogo yazyka* [The Syntax of the Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz.
7. Peshkovskiy, A.M. (1956) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. 7th ed. Moscow: Uchpedgiz.
8. Rudnev, A.G. (1959) *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya* [Compound Sentence Syntax]. Moscow: Gosuchpedgiz.
9. Pronichev, V.P. (1971) *Sintaksis obrashcheniya* [The Syntax of the Addressing]. Leningrad: Leningrad State University.
10. Arutyunova, N.D. (1976) *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The Sentence and Its Meaning. Logical-semantic problems]. Moscow: Nauka.
11. Arutyunova, N.D. (1977) Nominatsiya i tekst (Nominatsiya-obrashchenie) [Nomination and text (Nomination-addressing)]. In: Serebrennikov, B.A. (ed.) *Yazykovaya nominatsiya. Vidy nominatsiy* [Language nomination. Types of nominations]. Moscow: Nauka. pp. 304–357.
12. Arutyunova, N.D. (1981) Faktor adresata [Addressee factor]. *Izv. AN SSSR. Ser. Lit. i yaz.* 4 (40). pp. 6–17.
13. Babaytseva, V.V. (1979) *Russkiy yazyk: Sintaksis i punktuatsiya* [Russian Language: Syntax and punctuation]. Moscow: [s.n.].
14. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow: Nauka.
15. Dokhova, Z.R. (2007) Funktsionirovanie obrashcheniya v tekste [Functioning of addressing in the text]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Dagestan State University*. 26. pp. 37–45.
16. Fedulova, U.M. (2014) Stylistic functions of the address. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 1 (1). pp. 239–242. (In Russian).
17. Yixing, Yu. (2017) Forms of address and vocative functions of common nouns in fiction. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3. pp. 217–222. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-217-222

18. Lupashku, T.G. (2006) [Addressing and its text-forming functions in the poetry and prose of A.S. Pushkin in the communicative aspect]. *XI Pushkinskie chteniya: Rusistika. Metodika. Lingvodidaktika* [11th Pushkin Readings: Russian Studies. Methodology. Linguodidactics]. Proceedings of the 11th International Conference. Vol. 2. Saint Petersburg. 6 June 2006. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 93–98. (In Russian).
19. Lupashku, T.G. (2007) *Obrashchenie i ego tekstoobrazuyushchie funktsii v proze i poezii A.S. Pushkina* [Addressing and its text-forming functions in prose and poetry of A.S. Pushkin]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
20. Maksimov, L.Yu. (1965) Obrashchenie v stikhotvornoy rechi [Addressing in poetic speech]. *Sovremennyy russkiy yazyk. Uchenye zapiski MGPI*. 236. pp. 66–88.
21. Kovtunova, I.I. (1986) *Poeticheskiy sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow: Nauka.
22. Prikhod'ko, T.S. (1997) “Ot strannoy liriki, gde kazhdyy shag sekret”. Rol' obrashcheniy v kompozitsii stikhotvorenii A. Akhmatovoy [“From strange lyrics where every step is a secret.” The role of addressing in the composition of poems by A. Akhmatova]. *Russkaya rech' – Russian Speech*. 4. pp. 18–23. (In Russian).
23. Tolstoguzov, P.N. (2004) Poetika obrashcheniy v lirike Tyutcheva [Poetics of addressing in Tyutchev's lyrics]. In: *L.N. Tolstoy i F.I. Tyutchev v russkom literaturnom protsesse* [L.N. Tolstoy and F.I. Tyutchev in the Russian literary process]. Moscow: Prometey. pp. 105–120.
24. Kochenkova, T.V. (2005) Obrashchenie v poeticheskom tekste (na materiale proizvedeniy A.A. Akhmatovoy i I.F. Anenskogo) [Addressing in a poetic text (based on the works of A.A. Akhmatova and I.F. Anensky)]. *Filologicheskie etudy*. 8-3. pp. 188–122.
25. Ali Nazhva Fuad. (2008) Personal address in the poetry of Bulat Okudzhava. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 3. pp. 36–39. (In Russian).
26. Zaburdyayeva, V.I. (2010) Kommunikativnaya struktura stikhotvorenii M. Tsvetaevoy s obrashcheniyami k raznym adresatam [The communicative structure of M. Tsvetaeva's poems with addressings to different addressees]. In: *VI Vinogradovskie chteniya v Respublike Uzbekistan* [6th Vinogradov Readings in the Republic of Uzbekistan]. Tashkent: [s.n.]. pp. 35–39.
27. Zaburdyayeva, V.I. (2012) [Addressing nominations in the lyrics of M. Tsvetaeva]. *Russkoe slovo segodnya: teoriya i praktika filologicheskogo issledovaniya* [Russian word today: theory and practice of philological research]. Proceedings of the Republican Conference. Tashkent. 1 February 2012. Tashkent: [s.n.]. pp. 49–54. (In Russian).
28. Stanovkin, P.A. (2012) Address as a regulative structure of intertextual type in O.E. Mandelshtam's lyrics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 1 (116). pp. 249–254. (In Russian).
29. Ulykova, A.K. (2016) Funktsii obrashcheniy v poezii S. Esenina [Functions of addressing in the poetry of S. Yesenin]. *Molodoy uchenyy*. 7 (111). [Online] Available from: <http://moluch.ru/111/28017>
30. Naumova, I.M. (2000) *Status obrashcheniya v poeticheskoy rechi XIX v. (na materiale tekstov A.S. Pushkina, M.Yu. Lermontova, F.A. Feta, F.I. Tyutcheva, E.A. Baratynskogo)* [Status of addressing in the poetic speech of the 19th century. (based on texts by A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, F.A. Fet, F.I. Tyutchev, E.A. Baratynsky)]. Moscow: [s.n.].
31. Stepikhova, N.V. (2009) *Funktsional'nye i kontekstual'nye osobennosti obrashcheniy v liricheskom tekste: na materiale russkoy poezii pervoy treti XX veka* [Functional and contextual features of addressing in a lyrical text: on the material of Russian poetry of the first third of the twentieth century]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
32. Alieva, E.A. (2011) Semantiko-funktsional'nye osobennosti form poveleniy v ornamental'noy proze [Semantic and functional features of command forms in ornamental prose]. *Vestnik NUUZ*. 4/1. pp. 82–88.

33. Alieva, E.A. (2016) *Semantiko-funksional'nye osobennosti voprosa v khudozhestvenno-prozaicheskom monologe (na materiale yazyka russkoy prozy pervoy trety XX veka)* [Semantic and functional features of the question in the artistic and prose monologue (based on the language of Russian prose in the first third of the twentieth century)]. Tashkent: [s.n.].

34. Arkhipova, M.V. (2016) The interrelation of syntax and stylistics in the English language. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii – Modern scientific researches and innovations*. 11. [Online] Available from: <http://web.snauka.ru/issues/2016/11/73069>. (In Russian).

35. Veselovskiy, A.N. (1989) *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow: Vysshaya shkola.

36. Zabdurdayeva, V.I. (1989) Rechevye formy ustnogo dialoga v povesti A. Remizova "V plenu" [Speech forms of oral dialogue in A. Remizov's story "In captivity"]. In: *Voprosy grammaticheskoy asimmetrii* [Issues of Grammatical Asymmetry]. Tashkent: Tashkent State University. pp. 69–75.

Информация об авторе:

Алиева Э.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан). E-mail: alieva.elvina@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Aliyeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: alieva.elvina@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.01.2020;
одобрена после рецензирования 09.07.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 13.01.2020;
approved after reviewing 09.07.2021; accepted for publication 09.04.2022.*